

СЕМАНТИЧЕСКИЕ РОЛИ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С ИМЕНАМИ ПОСТУПКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Л. А. Бушуева

Нижегородский государственный лингвистический университет

Поступила в редакцию 21 ноября 2017 г.

Аннотация: *статья посвящена проблеме выражения семантических ролей в контекстах с именами поступков, репрезентирующими фреймы отрицательно оцениваемых поступков. Целью исследования является анализ того, какие семантические роли регулярно выражены при именах отрицательных поступков, а также насколько близко фреймовое развертывание близких по смыслу имен поступков.*

Ключевые слова: *имя поступка, предикат, фрейм, семантическая роль.*

Abstract: *the article is devoted to the problem of verbalization of semantic roles in the texts with names of acts, which represent the frames of people's negative acts. The aim of the work is to analyze which semantic roles are regularly verbalised in the contexts with the names of negative acts, and to find similarities between the frames of semantically alike names of acts.*

Key words: *name of act, predicate, frame, semantic role.*

Представления о поступке выражены в языках наличием самого имени поступка, однокоренных и синонимичных лексем, которые вместе характеризуют ситуацию, связанную с совершением того или иного поступка, т. е. его фрейм. Фрейм – это экономный способ передачи информации, который ускоряет процесс ее обработки и отражает основные моменты близких ситуаций, принадлежащих одному классу [1, с. 7]. В лингвистическом понимании фрейм – «типовая ситуация, в которой заданы участники и некоторые отношения между ними (например, действие, состояние, свойство, связывающее их)» [2, с. 116].

В языке фрейм ассоциируется с предикатом, при котором выражаются участники фрейма. Например, фрейм «поступок» состоит из следующих единиц: мотив, агент, действие, оценка, объект, результат. В типовой ситуации агент, движимый определенным мотивом, совершает некое действие, которое получает оценку с его стороны и/или со стороны наблюдателя и приводит к тому или иному результату. В тексте некоторые из перечисленных элементов могут быть выражены или не выражены. Например, ядерное положение во фреймах поступков «глупость», «шалость», «безумство» занимают элементы «действие», «оценка» «результат», в то время как элемент «объект» находится вне фокуса внимания. Напротив, элемент «объект» является значимым во фреймах поступков «помощь», «благодетель», «измена» и др. Как отмечает Р. Маклори, категоризация в языке зависит от точки наблюдателя или точки обзора (vantage

point), в которую мысленно помещает себя концептуализатор [3].

Модус фрейма – это часть коммуникативной организации текста, для которой важен и порядок представления элементов, т. е. порядок слов, и их статус (полная номинация или опущение), и характер морфосинтаксического и интонационного оформления и др. [2, с. 118].

Ситуация поступка маркирована предикатными словами: именами поступков и глаголами, обозначающими соответствующие поступки. Предикатные слова являются «представителями» фреймов определенных поступков, при этом другие элементы высказывания, синтаксически и семантически связанные с ними, обозначают участников фрейма, его слоты. Целью данного исследования является анализ конструкций с предикатными именами фреймов категории отрицательно оцениваемых поступков. В русском языке категория отрицательно оцениваемых поступков представлена тремя группами фреймов: 1) «странные, вызывающие поступки» (фреймы «чужачество», «проделка»); 2) «странные, неразумные поступки» (фрейм «глупый поступок»); 3) «поступки, связанные с социальными связями, отношениями» (фрейм «нечестный поступок»).

Фрейму «чужачество» как семантической единице соответствует несколько предикатных лексем-имен, а именно *чужачество, странность*. Фрейму «проделка» соответствует достаточно многочисленная группа имен, таких как *выверт, проказа, шалость, проделка, выходка, художество, фортель, номер, штука*. Единицы *глупость, идиотство, иди-*

отизм, безумство, безрассудство, безумие, сумасбродство репрезентируют фрейм «глупый поступок». Фрейм «нечестный поступок» актуализирован в языке именами *хитрость, жульничество, уловка, увертка, обман, плутовство, подлость, низость, гнусность, интрига, каверза, подвох, измена, предательство, вероломство*.

Фрейм ассоциируется с набором лексем, употребленных в определенном лексическом значении. Фрейм также ассоциируется с набором лексических конструкций каждой из этих лексем. Конструкции представляют то или иное подмножество обозначаемых участников фрейма, с одной стороны, и формальный способ их выражения – с другой. Рассмотрим, какие семантические роли наиболее регулярно актуализированы в конструкциях с именами-репрезентантами перечисленных фреймов, а также каковы семантические и синтаксические особенности предикатных имен в конструкциях такого плана. В данном исследовании за основу берется классификация семантических ролей, разработанная О. Н. Ляшевской и Е. В. Кашкиным [4]. Источником контекстуального материала является Национальный корпус русского языка [5].

Как показал проведенный анализ, фреймы рассматриваемых поступков с разной степенью регулярности представлены в текстах следующими семантическими ролями: «Агенс», «Пациенс», «Тема», «Предмет высказывания», «Предмет мысли», «Субъект психологического состояния», «Субъект ментального состояния», «Мотивировка».

Роль «Агенс», подразумевающая активного участника ситуации, целенаправленно изменяющего что-либо во внешнем мире, регулярно получает экспликацию в контекстах с именами фреймов «чужачество», «проделка», в меньшей степени – «нечестный поступок».

Продуктивными в плане выражения «Агенса» являются конструкции с «Агенсом», именем нарицательным, собственным или личным местоимением в позиции субъекта (в Им. и Д. п.).

– *Вот так, Тихон Николаевич, вы трудитесь, а сынок, понимаете ли, фортели тут выкидывает, вождем советской власти ноги отрывает* (Переписка с читателями) – Им. п.

Каждому приличному москвичу свойственна тяга к совершению безумств» (Колесников А. Большая стирка) – Д. п.

Конструкции с субъектом в Д. п. актуализируют не конкретный поступок, а характеристику личности через оценивание ее предрасположенности к совершению поступков определенного рода, например, *ему/ей свойственны такие чудачества/странности/фортели* (ср. с аналогичным смыслом в конструкции с генетивным «Агенсом», например, *для него характерны такие выходки*).

Конструкции с генетивным «Агенсом», который выражен существительным или местоимением в функции дополнения, также достаточно частотны. Конструкцию можно представить в виде следующей формулы: «глагол + сущ./мест. (Р. п.) + предлог + имя поступка» (*благодарить* + сущ./мест. (Р. п.) + *за* + имя поступка, *обвинить* + сущ./мест. (Р. п.) + *в* + имя поступка).

Что бы ни говорили украинские националисты, которые еще в позапрошлом столетии стали обвинять Хмельницкого в предательстве, Украина ни в XVII, ни в предыдущих, ни в последующих веках не могла быть независимой (Переяславская Рада).

«Агенс» получает выражение и через притяжательное прилагательное или местоимение в адъективной позиции. Синтаксическая функция – определение. Способ выражения «Агенса» притяжательным прилагательным сохраняет референцию к мотивировавшему его существительному. Например, *папин/мамин поступок* (папин поступок = поступок папы = папа совершил поступок).

К одному из наиболее продуктивных способов обозначения «Агенса» относится использование местоимения в адъективной позиции. В этой позиции местоимение выполняет две функции: референтную, осуществляя референцию к лицу, и синтаксическую, показывая принадлежность события к этому лицу [6].

Англичане говорят, что это уши Искарриота, обреченного вечно слушать шепот ветра, напоминающего ему о его предательстве (Бегичева В. Бузина).

Семантическая роль «Тема» – следующая по частотности роль, получающая экспликацию в контекстах с именами всех перечисленных ранее фреймов. «Тема» – пассивный участник ситуации, который никак не меняется в ходе ее развития. Основными показателями наличия роли в тексте являются конструкции с бытийными глаголами в позиции сказуемого.

Генеральная прокуратура отписала по-своему: мало того, что в «шалостях» г-на Новоселова не было состава преступления, самих «шалостей» не было (Толстых Е. Казино «Алроса») – простое глагольное сказуемое.

Но случаев жульничества было все-таки немножко (Что вы знаете и чего не знаете об аптеке) – составное именное сказуемое.

Во время одной из экскурсий Вольку накрыли на месте преступления и слегка намяли бока, обещая намять побольше, если такие шалости будут повторяться (Касьянов М. И. «Телега жизни». Молодость) – составное глагольное сказуемое.

Роль «Пациенс» в меньшей степени актуализирована в контекстах, описывающих поступки, и получает выражение в основном в предложениях с именами поступков фреймов «проделка» и «нечестный

поступок». Как отмечает О. Н. Ляшевская, «Пациенс» – участник ситуации, претерпевающий самопроизвольно или под воздействием другого участника изменения [4]. Основной базой реализации «Пациенса» являются двусоставные и односоставные личные предложения. С категорией «Пациенса» коррелирует дополнение. Это соответствие наблюдается в активных залоговых конструкциях, при этом наиболее регулярной формой выражения «Пациенса» являются существительное или местоимение в Д. п.

*А его поступки – пьянство, **измены** горячей любимой жене – воспринимаются как немотивированные: в данном случае совмещения реальностей не произошло* (Суриков В. Живописец, исчезающий в глубине пейзажа).

Применительно к поступку «предательство» экспликация «Пациенса» осуществляется с помощью существительного или местоимения в Д. п. в словосочетаниях типа *предательство по отношению к + сущ./мест. в Д. п.*

В следующем предложении предлог отсутствует, при этом «Пациенс» выражен существительным в Р. п., обозначающим неодушевленного участника.

За предательство родины ставят к стенке по такой-то статье (М. Кучерская).

Выделяются случаи, когда «Пациенс» «инкорпорируется» (термин Е. В. Падучевой) в семантике лексемы, как, например, в следующем предложении, в котором лексема *привыкший* подразумевает повторение определенного действия по отношению к кому-либо.

Петр Первый, привыкший к постоянному предательству Августа Саксонского, своего союзника по борьбе с Карлом Шведским, грозно шевельнул усом: «Опять гнусные ляхи!» (Есин С. Маркиз Астольф де Кюстин. Почта духов, или Россия в 2007 году).

Некоторые имена рассматриваемых фреймов встречаются в дискурсе в контекстах, в которых присутствуют роли «Предмет высказывания», «Субъект ментального состояния», «Субъект психологического состояния».

В актуализации «Предмета высказывания», подразумевающей то, о чем говорится в ситуации речи, задействованы фреймы «проделка» и «нечестный поступок». Наиболее типичным способом обозначения роли являются конструкции с дополнением, которое выражено именем поступка в форме Пр. п. Данная конструкция заполняется глаголами *рассказать, говорить, сболтнуть, капнуть, сознаться* и др.

*Давайте, девки, поговорим о житейском, о простом, <...> о детских **шалостях**, о твороге, об итальянских сапогах и об отрицании ревности* (Аксенов В. Таинственная страсть).

*А Берни о подлости **сказал**, что он в курсе всех дел, но ничего не скажет* (Автогонки-2, форум).

«Предмет мысли», то, о чем думает, о чем знает какие-либо факты «Субъект ментального состояния», кодируется в предложениях, содержащих единицы фрейма «проделка». При актуализации «Предмета мысли» в предложении нередко получает выражение роль «Агенс», к примеру, *думать о поступке отца, считать его поступок предательством* и т. п.

«Предмет мысли» обычно выражается в разных структурах, например, в конструкциях с прямым дополнением, при этом роль эксплицируется именем поступка в форме В. п. «Предмет мысли» выражается оборотами с глаголами интеллектуальной деятельности, не требующими предлога: *выдумать, знать, считать, расценивать, помнить* и др.

Поэтому Винитарий не отважился ни напасть, ни зазимовать: ведь тот, кто задумывает предательство, сам вечно подозревает других (Семенова М. Волкодав: Знамение пути).

*Он еще какую проказу **выдумает**, да похлеще первой* (Сергеев М. Волшебная галоша, или Необыкновенные приключения Вадима Смирнова, его лучшего друга Паши Кашкина и 33 невидимок из 117-й школы).

Конструкции с косвенным дополнением, в которых участвуют глаголы с предложным управлением *думать, помнить, мыслить, помышлять*, также продуктивны для реализации «Предмета мысли».

*Думая над природой его **предательства**, я вспомнил признание, сделанное им в одном из наших бесконечных разговоров* (Рубин Е. Пан или пропал. Жизнеописание) – имя поступка в составе деепричастного оборота.

Я бы не расценивала это как предательство (Женщина + мужчина: Брак, форум) – имя поступка в функции обстоятельства образа действия.

Можно по-разному относиться к феминистским выходкам и поведению Мадонны, считает журнал, отдавший певце шестое место (На первом месте – Элвис Пресли) – имя поступка в главной части вводной конструкции.

Фреймы «чужачество», «проделка», «нечестный поступок» регулярно проявляют себя в контекстах, эксплицирующих роли «Субъект ментального состояния», «Субъект психологического состояния», которые предполагают активного участника при глаголах ментального состояния (*помнить, знать, думать*) и при глаголах психологического состояния.

Обе роли характерны для существительного или местоимения в функции подлежащего.

*Бывший сержант-сверхсрочник Андрюха Забродин, <...>, о Катиных **шалостях** знал и всегда с чувством ей подыгрывал* (Зосимкина М. Ты прощешься) – «Субъект ментального состояния».

*Папа совсем не выносит несправедливость, **подлость**, когда обижают слабого, он закипает и кидает*

ется защищать (Окуневская Т. Татьяна день) – «Субъект психологического состояния».

«Субъект ментального состояния» нередко получает выражение в составе слов автора в конструкциях с прямой речью:

«Увидеть своими глазами, иначе **предательство** какое-то получается», – думал Леня (Соловейчик С. Ватага).

Другим продуктивным способом кодирования рассматриваемых ролей являются конструкции с личным местоимением в Им. п. в позиции подлежащего.

О том, что это **уловка**, я понял по его же рассказу о каком-то собрании в Союзе композиторов, где он председествовал (Висков А. Наследник апостола Иоанна) – «Субъект ментального состояния».

Не то что он не любил обманов, конечно не любил, но как без него? (Щербакова Г. Ангел Мертвого озера) – «Субъект психологического состояния».

Отрицательные или определительные местоимения также участвуют в реализации «Субъекта ментального состояния».

Его прежние шалости никто уже не будет вспоминать и будут помнить только об этом злодеянии (Кураев А. Протестантам о православии).

Вроде того, как с изменой **жены**: все уже все знают, а ты не догадываешься (Трифонов Ю. Предварительные итоги).

Конструкции с причастным оборотом также продуктивны при реализации «Субъекта ментального состояния», который выражен местоимением в одном из косвенных падежей.

И в этом есть особо острое мужское **предательство**, только что осознанное им (Воденников Д. Не навсегда. О первой любви).

Одной из моделей выражения «Субъекта психологического состояния» является причастие + Им. п. существительного.

Между тем после всех **вероломств, обманов** и разочарований политиков 90-х рассерженный избиратель в глубинке редко принимает слова на веру (Попов В. Вся Россия – Сибирь?).

Данная роль также может быть выражена конструкциями с дополнением.

Естественно, подобные **проделки** мгновенно возмутили всю прибалтийскую общественность <...> (Охлобыстин И. Танго смерти).

Имена поступков сами могут выступать как участники других ситуаций, выполняя те или иные семантические роли. Например, ниже даны контексты, в которых описываются не поступки, а состояния.

Семантическая роль «Причина» часто выражена при глаголах психологического состояния (волноваться, беспокоиться, тосковать), при этом участ-

ник является причиной ситуации или обуславливает возникновение состояния. В речи психологическое состояние, причиной которого стал поступок, выражается с помощью отдельных глаголов, а также развернуто и с помощью фразеологических оборотов.

Теперь я даже не так уж и сержусь на Анжелику за ее **обман** (Милованов М. Кафе «Зоопарк»).

Настроение после его этой хамской выходки было ни к черту (Соломатина Т. Акушер-ХА! Байки).

Маркерами причинно-следственных отношений являются прежде всего союзы, предлоги, частицы. Наиболее характерным способом экспликации причины в контекстах является использование предлогов *из-за, в результате, благодаря*. Например, предлог *из-за* + Р. п. способен передавать значение препятствующей причины, т. е. причины, которая вызывает нежелательное следствие или неосуществление действия. *И какого черта я должен ночаму не спать из-за ваших мальчишеских **проказ**?* (Левин Б. Блуждающие огни). Как отмечает Э.-О. Хааг, «при помощи предлога *из-за* выражается косвенная причина, предполагается наличие какой-то посредствующей ситуации, т. е. причина каузирует, вызывает следствие опосредованно: *я не пришел из-за тебя* – результат семантического свертывания (не пришел из-за того, что ты сделал/не сделал)» [7, с. 51]. Примечательно, что в случае употребления предлога *из-за* в сочетании с именем поступка причина называется прямо, а не косвенно: *я не мог спать из-за твоих проказ* (не мог спать, потому что ты проказничал).

«Причина» эксплицируется на уровне простого или сложного предложения. Показателями наличия роли в тексте могут быть в том числе и конструкции с именем поступка в синтаксической роли подлежащего, в составе деепричастного оборота.

И нам так же известно, что наибольший гнев его вызывали именно проделки с оружием (Терехов А. Каменный мост) – имя поступка в роли подлежащего.

*Через год Лотти бежала к отцу, не выдержав художеств супруга в компании красноносых собутыльников **Нестера Кукольника** по прозвищу «Клюкольник»* (Козловский Я. Мошенство копировщика) – имя поступка в составе деепричастного оборота.

«Мотивировка» подразумевает действие, состояние, свойство или положение вещей, объясняющее, почему агентивный участник предпринял данное действие, но не являющееся его причиной, и получает более регулярное выражение в дискурсе в сравнении с «Причиной».

В предложении «Мотивировка» получает выражение в рамках обстоятельства. Наибольшее количество примеров, в которых получает реализацию роль «Мотивировка», относятся к подгруппе поступков, объединенных фреймом «проделка».

Как ни удивительно, с Тани спрос был гораздо больший – и за шалости, и за опоздания из школы, и за неряшливость, которой Таня постоянно грешила (Улицкая Л. Казус Кукоцкого).

Здесь же, прямо на полу сидели дети, испуганные, молчаливые, будто наказанные за какие-то проделки (Глушкин О. Велосипед сорок первого года).

Анализ контекстов с именами отрицательно оцениваемых поступков показал, что в контекстах такого плана в большей степени актуализированы семантические роли «Агенс», «Тема», «Субъект ментального состояния», «Субъект психологического состояния», «Причина». Роли «Пациенс», «Мотивировка», «Предмет мысли», «Предмет высказывания» выражаются в высказываниях, описывающих отрицательные поступки, реже. Наибольшей продуктивностью в плане выражения всех семантических ролей характеризуется фрейм «проделка». Следующими по степени регулярности актуализации ролей являются фреймы «нечестный поступок», «чужачество». Фрейм «глупый поступок» в наименьшей степени участвует в реализации рассматриваемых ролей.

Нижегородский государственный лингвистический университет

Бушуева Л. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка

E-mail: sebeleva@yandex.ru

Тел.: 8-930-707-24-92

ЛИТЕРАТУРА

1. Минский М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М. : Мир, 1979. – 152 с.
2. Ляшевская О. Н. Корпусные инструменты в грамматических исследованиях русского языка / О. Н. Ляшевская. – М. : Издательский дом ЯСК : Рукописные памятники Древней Руси, 2016. – 520 с.
3. MacLaury R. E. Vantage theory / R. E. MacLaury, J. R. Taylor // Language and the Cognitive Construal of the World. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1995. – P. 231–276.
4. Кашкин Е. В. Семантические роли и сеть конструкций в системе FrameBank / Е. В. Кашкин, О. Н. Ляшевская // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 12 (19). – М. : Изд-во РГГУ, 2013. – С. 325–343.
5. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru
6. Падучева Е. В. Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову – Вендлеру / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. – М. : Наука, 2009. – № 6. – С. 3–20.
7. Хааг Э.-О. Функциональная типология и средства выражения причинно-следственных отношений в современном русском языке : дис. ... д-ра филол. наук / Э.-О. Хааг. – Тарту, 2004.

*Linguistics University of Nizhny Novgorod
Bushuyeva L. A., Candidate of Philology, Associate
Professor of the Department of the English Language
E-mail: sebeleva@yandex.ru
Tel.: 8-930-707-24-92*